

**Вахрушев Роман Владимирович**

соискатель Удмуртского государственного  
университета  
dom-hors@mail.ru

## **СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КОРРУПЦИИ: СУБЪЕКТЫ И НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА**

---

---

**Аннотация:**

*В статье представлены социологические подходы к анализу коррупции. Социологический подход является наиболее продуктивным, поскольку предполагает анализ многообразия нормативных систем и социальных факторов, способствующих коррупционному поведению. Кроме того, социологический анализ коррупции позволяет показать разницу оценок этого феномена различными субъектами. Следует рассмотреть такие компоненты коррупционного отношения, как коррупционная ситуация, субъект с ограниченным набором ресурсов, нормативная система. Коррупция является существенным компонентом нормативной системы или ее продуктом, несмотря на то, что само коррупционное поведение противоречит официальным или моральным нормам.*

**Ключевые слова:**

*коррупция, социология, коррупционное поведение, нормативная система, социальный субъект, ресурсы.*

---

---

**Vakhrushev Roman Vladimirovich**

PhD applicant,  
Udmurt State University  
dom-hors@mail.ru

## **SOCIAL MEANING OF THE CORRUPTION: SUBJECTS AND A NORMATIVE SYSTEM**

---

---

**Summary:**

*The article presents sociological approaches to the analysis of corruption. The sociological approach to the theoretical analysis of the corruption is the most efficient, as it involves analysis of the diversity of legal systems and social factors favouring corrupt behavior. Besides, the sociological analysis of the corruption reveals the difference of estimates of this phenomenon by different actors. One should consider the following components of the corrupt relationship: corruptive situation, a party with limited resources, normative system. The corruption is an essential component of the normative system, or its product, despite the fact that the very corrupt behavior contradict with the official or moral norms.*

**Keywords:**

*corruption, sociology, corrupt behavior, normative system, social subject, resources.*

---

---

Коррупция в настоящее время выступает предметом острых дискуссий представителей различных направлений науки и практики. Все согласны с тем, что коррупция – явление, губительное для общества и тормозящее его развитие, тем не менее, в определении этого понятия существует множество трактовок. Главная трудность в его понимании состоит в том, что то или иное действие чаще всего трудно идентифицировать в качестве коррупционного, поскольку оно имеет в основном скрытый характер. Юридическое определение коррупции, однако, является наиболее популярным. Согласно этой трактовке коррупцией считается преступление, связанное с использованием служебного положения или социального статуса должностного лица в личных или корпоративных интересах. Так, в Кодексе поведения должностного лица по поддержанию правопорядка, принятого Резолюцией 34/169 Генеральной ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г., коррупция определена как «злоупотребление служебным положением для достижения личной или групповой выгоды, а также незаконное получение государственными служащими выгоды в связи с занимаемым служебным положением» [1, с. 13].

Подобное определение и является в настоящее время наиболее распространенным в литературе о коррупции. Действительно, оно представляется универсальным и предполагает различные способы получения выгоды субъектом, от которого зависит принятие тех или иных решений или совершение действий, влияющих на жизнедеятельность иных субъектов, не способных в силу различных причин повлиять на их совершение законным способом. Однако универсальность подобного определения подразумевает и его абстрактность. Понятие «злоупотребление» в данном определении в первую очередь нуждается в конкретизации. Экономисты видят в коррупции, прежде всего, способ оптимального достижения цели и реализации собственных интересов в условиях неопределенности и ограниченности ресурсов. Коррупция в этом подходе выступает наиболее оптимальным способом рационализации издержек.

Вместе с тем представители различных научных направлений признают необходимость учета социальных факторов в определении коррупции при ее исследовании. Сюда относятся, прежде всего, такие аспекты, как национальные и культурные особенности, гендерные и религиозные факторы, господствующие в той или иной социальной общности ценности и традиции, социальные связи и отношения, а также множество иных аспектов, подчас ускользающих от

сложной перспективы исследования коррупции как «скрытого», «теневого» феномена современного общества.

Определение коррупции в связи с его многообразными трактовками и подходами к нему с точки зрения различных факторов, постоянно уточняется. Для социологического анализа особую важность приобретает определение социальных субъектов коррупции. Поскольку в коррупции принимает участие, как правило, несколько субъектов, то ее можно считать формой социальных отношений. В научно-исследовательском сообществе постоянно идут дискуссии о возможности рассмотрения различных субъектов коррупции. Например, ряд исследователей настаивает на том, что коррупция охватывает сферу взаимодействий государственной власти, чиновничества и иных субъектов (частных лиц, бизнеса, общественных организаций и т.д.) [2, с. 37]. Например, предлагается различать понятия «взятка» и «коррупция». «Коррупция, как правило, связана с взятками, но не каждую взятку можно назвать коррупцией. Взятка – это подкуп в любой ситуации, не только в сфере государственного управления». И в этом смысле из понятия коррупции выпадают такие явления, как «деловой подкуп», принятие решений в бизнесе в интересах отдельных сотрудников (например, менеджер принимает решение в обход начальства и т.д.). Другие авторы предлагают считать коррупцией использование своих должностных обязанностей в личных целях не только чиновниками, но и представителями бизнеса, и общественных структур [3, с. 353].

П. Бурдые рассматривает коррупцию как перераспределение общественных ресурсов или «неофициальное финансирование расходов», составляющее деятельность профессионального корпуса чиновников, руководствующегося собственными целями. Подобный вид деятельности, по мысли Бурдые, возникает из специфики государственного управления. Государство в его концепции выступает как концентрация различных видов капитала – «физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического» [4, с. 141].

В концепции Матье Дефлема коррупция рассматривается в связи с концепцией Ю. Хабермаса как «вид стратегических действий, в которых два или больше участников обязуются обмениваться отношениями путем успешной передачи денег или власти, которая происходит в обход существующих законов и нормативных отношений» [5, с. 144].

Для социологического изучения коррупции важно, что система также возникает из жизненного мира, из его внутренней сущности, но в то же время сама поглощает его, устанавливая свои правила, которые не всегда являются легитимными в жизненном мире. В последнем случае мы имеем дело с колонизацией жизненного мира системой. Коррупция как колонизация жизненного мира, в данной концепции может быть понята и проинтерпретирована двояко. Первый аспект – коррупция включает в себя колонизацию отношений регулируемых законными правовыми процедурами. Коррупция в данном случае предполагает укорененность в системе, то есть ее можно понимать как имплицитную законодательность. Второй аспект предполагает укорененность коррупции в жизненном мире, то есть становление ее повседневной социальной практикой. В последнем случае право, скорее всего, либо является нелегитимным и чуждым повседневной жизненной практике, либо ослабленным и недостаточным для ее регулирования. Тогда колонизация понимается в значении захвата жизненного мира коррупционными практиками, поскольку предполагают рациональность как систему действий, направленных на эффективность и успех, своего рода системного закона.

Не меньший интерес для изучения коррупции и коррупционных практик, нежели концепция Ю. Хабермаса, представляет теория Э. Гидденса. Особенностью концепции Э. Гидденса является то, что те или иные элементы структуры (институты, группы или ценностно-нормативные комплексы) не являются как результатами, так и условиями системного воспроизводства, которое предполагает постоянную трансформацию институтов в пространстве и во времени.

Ключевым моментом в подходе Гидденса является то, что он рассматривает действие и структуру как «дуальность». Это означает, что они не могут быть изолированы друг от друга: агент вовлечен в структуру, а структура включена в агента. Гидденс отказывается считать структуру просто сдерживающей принуждающей (как, например, Дюркгейм), но видит ее как сдерживающей, так и дающей возможность [6, с. 55].

Подобная модель позволяет анализировать коррупцию как свойство структуры, а не просто форму поведения агента (агентов). Понимаемая как форма социальных отношений, коррупция в рамках социологического изучения предполагает анализ ее как формы взаимодействия субъектов, акторов, обладающих различным объемом ресурсов в пределах различного рода институтов как нормативных систем. Толчком к коррупционному отношению выступает ситуация, связанная с наличием проблемы и неопределенности в поле субъекта в связи с его ограниченным набором ресурсов. Проблема ограниченности ресурсов может быть вызвана самими различными факторами, как объективными, например, несовершенство нормативной системы,

так и субъективными, такими, как отсутствие у субъекта по тем или иным причинам желания действовать в ее рамках, несогласие с ней.

В рамках экономико-социологического подхода коррупция может быть понята как механизм снижения транзакционных издержек. В рамках этого подхода приобретает значимость понятие «укорененность», как закрепление определенного рода социальных практик и их воспроизводство, поддерживаемого социальными связями и социальной структурой. Так, Б. Уци считает, что «степень укорененности в системе обмена определяет возможности и ограничения, специфические для сетевых форм организаций и порождающие результаты, которые не могут быть предсказаны стандартными экономическими теориями» [7].

Следует отметить, что коррупционное отношение возникает как результат взаимовлияния субъекта, обладающего ограниченным набором ресурсов, и нормативной системы. В традиционном понимании этот субъект выступает в качестве «клиента». Его цели направлены на снижение ограниченности ресурсов и неопределенности во взаимодействии с нормативной средой. Понятие «нормативная среда» является достаточно сложным и требует отдельного изучения, однако можно сказать, что в социальных институтах существует многообразие норм по степени их взаимосвязи с явными или латентными целями системы. В любом случае многослойный характер норм, культуры, ценностей и традиций, формирующихся исторически в социальной среде, вызван также многообразием социальных и культурных сред, в которые вписан субъект. В рамках нормативной среды появляются субъекты, обладающие возможностью воздействия на нее либо привилегированного отношения к ней. Это значит, что субъект-принципал обладает необходимыми ресурсами, чтобы снять неопределенность взаимодействия клиента и нормативной системы. Это говорит о том, что принципал спродуцирован самой нормативной средой, и, соответственно, анализ коррупционного взаимодействия в социологии может быть представлен как исследование взаимоотношения субъекта с ограниченным набором ресурсов и нормативной средой.

Исходя из предлагаемой схемы, следует рассмотреть следующие компоненты коррупционного отношения: коррупционная ситуация, субъект с ограниченным набором ресурсов, нормативная система. С точки зрения теории Э. Гидденса субъект оказывается вплетенным в социальную среду, а отдельные действия субъекта являются непрерывным потоком, протекающим во взаимосвязи с другими действиями и вплетенными в систему правил и норм, социальных институтов общества. Поведенческие акты как институциональные практики становятся возможны благодаря существованию норм и ресурсов – средств, с помощью которых исполняется власть, являющаяся неотъемлемым компонентом поведения в социальном воспроизводстве. Именно ресурсы организуют систему властных отношений как отношения автономии или взаимозависимости.

Во многих случаях коррупционный акт, например, взятка, подкуп должностного лица, является единственным способом добиться желаемого результата в определенные сроки (например, устроить ребенка в детский сад). При этом имеющиеся правовые нормы вовсе не поощряют, а напротив, запрещают подобное поведение. Между тем, существующие реалии (например, нехватка мест в детских учреждениях) и воспроизводящиеся социальные практики, формируют негласные нормы, укореняющие и закрепляющие коррупционное поведение, то есть делающее его «нормальным» и «само собой разумеющимся» для определенной ситуации. Она закрепляется посредством сплетения сознательных и бессознательных механизмов, а также повторяющихся социальных практик. Механизмы закрепления коррупционных норм могут быть следующие:

- Заложенность в самой нормативной системе. Иногда само законодательство в неявном виде содержит возможности коррупционного поведения.
- Отсутствие тех или иных элементов в законе, или наличие в их содержании скрытой возможности для приписок, договоренностей и иных неправовых практик также может стать основой для коррупционного поведения.

Примером из российской практики может служить закон о поставках для госнужд, реализация которого часто сопровождается неправовыми способами, путем «откатов», «фаворитизма» и т.д. С другой стороны, чаще всего в процессе реализации и исполнения тех или иных законов находится место коррупции. Именно институты исполнительной власти считаются самыми коррупционными в связи с их непосредственным контактом не только с населением, но и с имеющимися ресурсами для реализации тех или иных законодательных актов.

Кроме того, социологи, как уже упоминалось, не должны сбрасывать со счетов многообразие социокультурных факторов, способствующих укорененности коррупционного поведения в нормативных системах, более того, многоуровневый и дифференцированный характер самих нормативных систем, оказывающих влияние на поведение индивида. «Этнокультурная специфика, конфессиональные особенности, семейный уклад, сетевые контакты, корпоративная культура, профессиональная этика, идеология, обычаи и прочие «социальные оболочки» инди-

вида выступают ограничителями его поведения, существенно трансформируя его представление о должном и правильном» [8, с. 38]. Многообразие нормативных систем приводит к сложности идентификации коррупции, неоднозначности ее оценок и идентификации различными субъектами: «Коррупционные проявления постоянно меняются, адаптируясь к мерам по их ограничению и возникновению новых условий совершения коррупционных действий. Такие постоянно происходящие изменения способствуют росту субъективности оценок того, какие действия относить к коррупционным, а какие – нет» [9].

Принципал при этом выступает как неотъемлемый компонент воспроизводящейся нормативной системы, даже если инициатива коррупционного акта изначально исходит не от него, а от клиента. Для последнего он выступает символом власти в силу наличия тех ресурсов, которые у него имеются. По Гидденсу, эти ресурсы могут быть как аллокативными (формы управления объектами, товарами и другими материальными явлениями), так и авторитативными (преобразовательные возможности управления людьми). В первом случае принципал может обладать возможностями более выгодной для себя или других членов организации формы и агентов поставок товаров, оказания услуг, во втором, например, оказывать предпочтение тому или иному кандидату на вакантную должность. Теория Гидденса и его концепция дуальности помогает также понять, что принципал может выступать, с одной стороны, как источник коррупционной системы (как формирующий и воспроизводящий коррупционные нормы и правила), но и как ее продукт (агент, обеспечивающий действенность коррупционных практик).

Клиент в данном случае воспринимается как «пришедший со стороны», то есть извне включенный в коррупционную систему, но являющийся ее потенциально необходимым элементом, поскольку предполагается в рамках коррупционной ситуации (ограниченности ресурсов). Коррупционная ситуация может быть понята как таковая лишь в ходе сознательного выбора ее клиентом. Действия субъекта осуществляются в системе повседневных социальных практик в рамках социальных институтов при условии определенной «осмысленности» действий акторов. Уровень этой осмысленности варьируется от рутинных неосознанных практик («практическое сознание») до рефлексивного мониторинга соответствия между результатами и проектом действия («рационализация», «дискурсивное сознание»). Кроме того, Гидденс обозначил в качестве основополагающей особенности современных обществ тенденцию к вовлечению самого «рефлексивного мониторинга», то есть дискурсивности в область условий действия и их репрезентацию в качестве объективных структур.

Сама по себе ситуация ограниченности ресурсов еще не является коррупционной. Решение добиться своей цели коррупционными методами чаще всего является сознательным выбором клиента, даже в ситуации, не оставляющей выбора. Исходя из этого понятие «коррупционная ситуация» столь же сложно для анализа, как и понятие «социальная ситуация», поскольку предполагает анализ самых различных сред, в которой происходит коррупционная практика.

Коррупционное поведение, вернее выбор клиента в пользу такового, может быть понято как рисковое поведение в ситуации неопределенности. Неопределенность порождается ограниченностью ресурсов и недостаточностью имеющихся возможностей для ее преодоления. Выбор клиента в пользу коррупционного поведения в данном случае представляется как рисковое, в силу воздействия ряда факторов. Первый касается в понимании клиентом противозаконности, неэтичности действий и непредсказуемости их последствий. Второй – в недостаточности доверия между клиентом, принципалом и иными субъектами, посредниками, вовлеченными в коррупционную сделку. С одной стороны, на момент коррупционного обмена между субъектами устанавливаются определенные отношения, особенно если коррупционный акт является своего рода нормой, элементом культуры, укорененным в социальных практиках. Это касается в основном межличностных отношений, или «межличностного доверия», предполагающее уверенность в соблюдении субъектом определенных правил и норм, а также определенное ожидание некоторых предсказуемых действий. По данным целого ряда исследований, касающихся уровня межличностного доверия в современном обществе, российский социум является весьма сильно разделенным на узкие социальные группы, нередко называемые кланами или кликами, в которых межличностное доверие основано на родственных или дружеских связях [10]. Поэтому, с другой стороны, социум, характеризующийся низким уровнем как межличностного, так и институционального доверия (к должностным лицам и институтам), наиболее склонен к развитию коррупции. Таким образом, именно отсутствие доверия в обществе порождает коррупцию, и, следовательно, усугубляет неопределенность ситуации, а недоверие к официальным институтам порождает саму ситуацию ограниченности ресурсов и может стать причиной коррупционного выбора.

Подведем некоторые итоги. Социологический подход к теоретическому анализу коррупции является наиболее продуктивным, поскольку предполагает анализ многообразия нормативных систем и социальных факторов, способствующих коррупционному поведению. Кроме

того, социологический анализ коррупции позволяет показать дифференцированность оценок этого феномена различными субъектами. Следует рассмотреть следующие компоненты коррупционного отношения: коррупционная ситуация, субъект с ограниченным набором ресурсов, нормативная система. Коррупция является существенным компонентом нормативной системы, или ее продуктом, несмотря на то, что само коррупционное поведение противоречит официальным или моральным нормам. Однако с точки зрения социологических концепций П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и Э. Гидденса, любое поведение субъекта в системе социальных отношений предполагает его воспроизводимость, то есть наличие в системе определенных практик, которые поддерживают его и обуславливают его необходимость. Подобного рода воспроизводимость и укорененность в социуме коррупционных практик могут быть вызваны различными социальными и культурными факторами. Необходимость коррупционного акта обусловлена ограниченностью ресурсов субъекта и невозможность преодолеть подобную ограниченность в рамках существующих общепризнанных норм. Выбор субъектом коррупционного поведения является формой рискованного поведения, представленного результатом низкого доверия к социальным институтам, а также недостаточного межличностного доверия клиента к субъектам нормативной системы, порождающей коррупцию.

### Ссылки:

1. Астафьев Л.В. К вопросу о понятии коррупции // *Коррупция в России: Состояние и проблемы: Материалы научно-практической конференции (26–27 марта 1996 г.)*. М.: Москов. ин-т МВД РФ, 1996.
2. Добренков В.И., Исправникова Н.Р. *Коррупция: современные подходы к исследованию*. М., 2009.
3. Connelly B.S., Ones D.S. The Personality of Corruption: A National-Level Analysis // *Cross-Cultural Research*. 2008. Vol. 42. № 4.
4. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб., 1999. С. 125–166.
5. Deflem M. Corruption, Law and Justice: a conceptual clarification // *Journal of Criminal Justice*. 1995. Vol. 23. № 3. P. 243–258.
6. Гидденс Э. *Устроение общества*. М., 2003.
7. Уци Б. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // *Анализ рынков в современной экономической социологии*. М., 2007. С. 211.
8. Барсукова С.Ю. *Коррупция: научные дебаты и российская реальность* // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5.
9. Римский В.Л. *Коррупция и межличностное доверие в современной России*. URL: [www.hse.ru/data/2011/02/10/1208676078/Cor\\_trust\\_RF\\_Rim.doc](http://www.hse.ru/data/2011/02/10/1208676078/Cor_trust_RF_Rim.doc) (дата обращения: 13.09.11).
10. Латов Ю.В. *Декларируемое и фактическое межличностное доверие в современной России*. С. 9–10. URL: [http://www.hse.ru/data/2010/05/12/1217374005/Межличностное\\_доверие-Латов-27.4.2010-дляГУ-VШЭ.doc](http://www.hse.ru/data/2010/05/12/1217374005/Межличностное_доверие-Латов-27.4.2010-дляГУ-VШЭ.doc) (дата обращения: 13.09.11).

### References:

1. Astafev, LV 1996, 'On the concept of corruption', *Corruption in Russia: Status and Problems: Proceedings of the Conference (26-27 March 1996)*, Moscow: Mos. inst Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2. Dobrenkov, VI & Ispravnikova, NR 2009, *Corruption: modern approaches to the study*, Moscow.
3. Connelly, BS & Ones, DS 2008, 'The Personality of Corruption: A National-Level Analysis', *Cross-Cultural Research*, vol. 42, no. 4.
4. Bourdieu, P 1999, 'The Spirit of the state: genesis and structure of the bureaucratic field', *The Poetics and Politics: Almanac of the Russian-French center sociology and philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, Moscow: Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg, pp. 125-166.
5. Deflem, M 1995, 'Corruption, Law and Justice: a conceptual clarification', *Journal of Criminal Justice*, vol. 23, no. 3, pp. 243-258.
6. Giddens, A 2003, *The Constitution of Society*, Moscow.
7. Utsi, B 2007, 'The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: the impact of networks', *Analysis of markets in contemporary economic sociology*, Moscow, p. 211.
8. Barsukova, SY 2008, 'Corruption: the scientific debate and the Russian reality', *Social Sciences and the present*, no. 5.
9. Rimsky, VL 2013, *Corruption and interpersonal trust in modern Russia*, retrieved 13 September 2011, <[www.hse.ru/data/2011/02/10/1208676078/Cor\\_trust\\_RF\\_Rim.doc](http://www.hse.ru/data/2011/02/10/1208676078/Cor_trust_RF_Rim.doc)>.
10. Latov, YV 2013, *The declared and actual interpersonal trust in modern Russia*, retrieved 13 September 2011, <[http://www.hse.ru/data/2010/05/12/1217374005/Межличностное\\_confidence-Latov-27.4.2010-dlyaGU-VShE.doc](http://www.hse.ru/data/2010/05/12/1217374005/Межличностное_confidence-Latov-27.4.2010-dlyaGU-VShE.doc)>, pp. 9-10.